

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

под редакцией:

Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.

Выпуск I.

Н. С. АШУКИН

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ:
Толстовский Музей в Москве.— Дом
Л. Н. Толстого в Москве.—Ясная Поляна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, насл. Бр. САЛАЕВЫХ“,
МОСКВА—1924 г.

ИЗ КНИГ



*Бориса
Божено*

EX LIBRIS

83
A 987

Отпечатано в 5-й типо-ли-
тографии „Мосполиграф“,
Мыльников. пер., дом 14,
в количестве 4.000 экз.
Главлит № 16119. Москва.

554057

**Библиотека
Лесуниверситета
г.Новосибирск**

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Экскурсия играет в настоящее время большую роль во всех областях народного просвещения и, действительно, является новым образовательным средством. Экскурсия — одно из средств и в деле изучения литературы. Литературные экскурсии в места, связанные с пребыванием в них писателя, знакомят изучающих его произведения со всем тем, что служило источником и основой его творчества.

Этот выпуск „Серии сборников по устройству общеобразовательных экскурсий“ посвящен литературным экскурсиям, связанным с именем Л. Н. Толстого. Цель и назначение сборника быть спутником экскурсанта, как в групповых, так и в индивидуальных экскурсиях, по Толстовским местам. Стремление сделать сборник доступным по цене ограничило его размеры и лишило составителя возможности дать историко-литературный комментарий к зрительному материалу экскурсий с большей полнотой, чем это им сделано. Однако, в сборнике комментировано все наиболее значительное и дана, хотя и бегло, история жизни и творчества Л. Н. Толстого. Для тех, кто пожелает свои литературные экскурсии связать с более углубленным изучением Толстого, в сборнике приведена библиография.

Экскурсии в Толстовские места представляется желательным совершить в следующем порядке:
1) — Толстовский музей, 2) — Дом Толстого,
3) — Ясная Поляна

Посещение Толстовского музея дает полную и связную картину истории жизни и творчества Л. Н., „создает в посетителе настроение, которое граничит с некоторым проникновением в душевный строй писателя. Его душа как бы живет в обстановке его личной жизни, особенно его любимых вещах. Излишне говорить о том, что эти предметы нашли себе отражение через авторскую душу в его творчестве“¹⁾

Экскурсии в дом Л. Н. Толстого и в Ясную Поляну дополняют впечатления, полученные в музее. Домашняя обстановка Л. Н., его библиотека, рассказы знавших его и, наконец, вся окружающая его природа,—все это поможет экскурсантам воссоздать облик писателя и глубже проникнуть в психологию его творчества.

Литературные экскурсии расширяют понимание произведений Толстого, полученное обычным путем книжного изучения.

В конце сборника приводятся примерные планы проработки материала, изученного в экскурсиях.

В заключение следует сказать несколько слов о подготовке к экскурсиям.

Руководитель должен хотя бы кратко ознакомить экскурсантов с биографией Л. Н. Толстого, дать сведения по тем вопросам, которые будут затронуты в экскурсии, словом, ввести их в круг намеченной темы. Сами же экскурсанты готовятся к экскурсии путем чтения произведений Толстого.

Для наиболее прочного запечатления наблюдаемого в экскурсии, следует вести подробную запись, записывая все виденное и слышанное, не полагаясь на память. Зарисовки и фотографические снимки точно также являются желательным способом закрепления наблюдаемого материала.

¹⁾ И. Плотников. Школьные литературные экскурсии („Народное Просвещение“. Курск. 1922, № 3—4).

Толстовский музей в Москве ¹⁾

Толстовский музей является прекрасным памятником великому писателю. Доступный для обозрения самой широкой публике, он служит „целям свободного просвещения в том духе, которым дорожил Л. Н. еще в 70-х годах пр. ст., проектировавший „университет в лаптях“ ²⁾. Все материалы расположены в музейных залах в хронологическом порядке,—и обозрение их дает полное представление о днях и трудах Л. Н. Толстого, давая возможность общедоступного изучения как его личности, так и современной ему эпохи.

Чтобы не потеряться среди изобилия материалов, совершим свой осмотр музея (особенно же если это первое посещение) неторопливо, останавливаясь на экспонатах, отмечающих наиболее крупные факты биографии Л. Н. ³⁾.

¹⁾ Музей организован по инициативе Толстовского Общества в 1911 г. Первоначально помещался на Поварской ул. В 1920 г., перейдя в ведение Отдела по делам музеев Наркомпроса, музей получил более обширное помещение, где и находится теперь (ул. Кропоткина, бывш. Пречистенка, 11). В новом помещ. музей был открыт в день 10-летия со дня смерти Л. Н.—20 ноября 1920 г. Музей открыт для обозрения: воскресенье, вторник, среда и суббота с 11 до 4 час. дня.

Толстовский музей имеется и в Петербурге (открыт в 1911 г.)

²⁾ „Изм. Толстовского Музея в Петербурге“, 1911 г. № 1. Доклад П. Бирюкова.

³⁾ Отмечаем их, гл. обр., по биографии Л. Н., написанной П. Бирюковым. (см. библиографию).

Первый зал. Начнем осмотр с обозрения портретов предков Л. Н., — это поможет нашему уяснению духовного и физического облика писателя.

Л. Н. род. 28 августа 1828 г. в Ясной Поляне. (См. фотогр. дома, в кот. род. Л. Н.). Внем соединились два рода: графов Толстых и князей Волконских. (См. таблицу родства Толстого и портреты предков). Графский титул Толстые получили во времена Петра I. Первым графом был Петр Андреевич Толстой, сподвижник Петра (1645—1729). Он был начальником тайной канцелярии и принимал близкое участие в убийстве царевича Алексея, сына Петра.

Дед Л. Н. со стороны отца — Илья Андреевич Толстой (1757—1820) был „человек ограниченный, очень мягкий и не только щедрый, но бестолково мотоватый. В его имении шли беспрерывные пиршества, театры, балы, обеды, картежная игра, и все это кончилось тем, что большое имение было так запутано в долгах, что жить было нечем и он выхлопотал себе место губернатора в Казани“.)¹⁾ Многие черты его жизни и характера впоследствии послужили Л. Н. чу материалом для фигуры старого гр. Ростова в ром. „Война и Мир“.

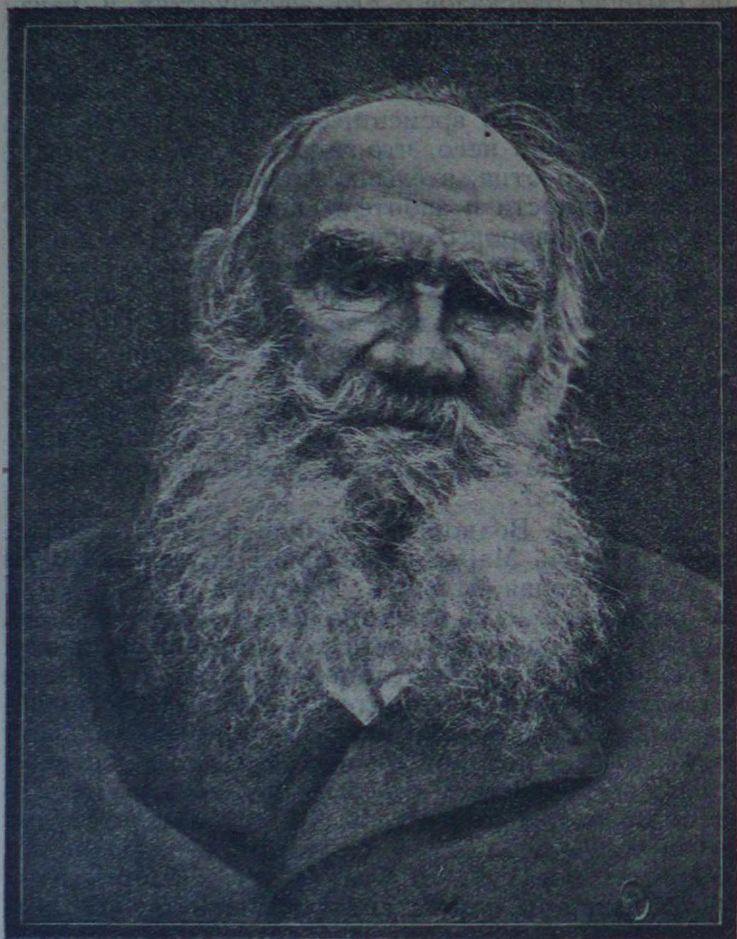
Жена Ильи Андреевича, бабушка Л. Н., Пелагея Николаевна, урожд. кн. Горчакова (1762—1838) была женщиной добрая, мало образованная, по обычаю дворян того времени знавшая французский язык лучше, чем русский.

Дед Л. Н. со стороны матери, кн. Николай Сергеевич Волконский (1753—1821), занимал разные важные должности, выйдя в отставку и женившись на кн. Екатерине Дмитриевне Трубецкой, поселился в Ясной Поляне. В своих воспоминаниях о нем Л. Н. рассказывает следующее: „Дед мой

¹⁾ Из воспоминаний Л. Н.-ча.

считался очень строгим хозяином, но я никогда не слышал рассказов о его жестокостях и наказаниях, столь обычных в то время. Я думаю, что они были, но восторженное уважение к его важности и разумности было так велико в дворовых и крестьянах его времени, которых я часто спрашивал про него, что хотя я и слышал осуждения моего отца, я слышал только похвалы уму, хозяйственности и заботе о крестьянах и в особенности о дворовых моего деда. Вероятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таков же и разбитый им парк перед домом. Вероятно, он также очень любил музыку, потому что только для себя и для матери держал свой хороший небольшой оркестр. По утрам он гулял по аллее, слушая музыку. Охоты он терпеть не мог, а любил цветы и оранжерейные растения⁴.

Кн. Е. Д. Волконская, бабушка Л. Н., умерла рано: Ее дочь Марья Николаевна вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого (1797—1837). О родителях Л. Н. известно по его воспоминаниям. „Отец был среднего роста, хорошо сложен, живой сангвиник с приятным лицом и всегда грустными глазами. Жизнь его протекала в занятиях хозяйством, в котором он, кажется, не был большой знаток, но в котором он имел для того времени большое качество: он был не только не жесток, но, скорее, даже слаб. Так что и за его время я никогда не слышал о телесных наказаниях⁴. Умер он, когда Л. Н. было 9 лет. „Смерть отца была одним из самых сильных впечатлений детства Л. Н. Он говорил, что смерть эта в первый раз вызвала в нем чувство религиозного ужаса перед вопросами жизни и смерти. Так как отец умер не при нем (умер в Туле), он долго не мог верить тому, что его уже нет⁴.



Л. Н. Толстой.

(С фотографии В. Г. Черткова).

Мать Л. Н. Марья Николаевна урожд. кн. Волконская (1790—1830) умерла, когда будущему писателю было полтора года, и он ее совершенно не помнил. Единственное сохранившееся изображение ее—небольшой силуэт девочкой 10-ти лет. (В музее—в двух экземплярах: маленький, старинный, и в увеличенном виде). В своих воспоминаниях Л. Н. пишет следующее: „По странной случайности, не осталось ни одного ее портрета, так что, как реальное физическое существо, я не могу себе представить ее. Я отчасти рад этому, потому что в представлении моем о ней есть только ее духовный облик, и все, что я знал о ней, все прекрасно, и я думаю не оттого только, что все говорившие мне про мою мать старались говорить о ней только хорошее, но потому, что действительно, в ней было много хорошего... Мать моя была не хороша собой, очень хорошо образована для своего времени. Она знала, кроме русского, на котором она, противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно,—четыре языка: французский, немецкий, английский, итальянский,—и должна была быть чутка к художеству, она хорошо играла на фортепьяно, и сверстницы ее рассказывали мне, что она была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа. Самое же дорогое качество было то, что она, по рассказам прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержана. Вся покраснеет, даже заплачет,—рассказывали мне ее горничные,—но никогда не скажет грубого слова... Жизнь моей матери в семье отца была очень счастливая и хорошая. Мне говорили, что маменька очень любила меня и называла: *Mon petit Benjamin*. Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто, в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевшими меня искушениями, я молился ее душе,

прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне“.

Из музейных предметов к детству Л. Н. относятся ученические тетради его братьев и снимок с ученической тетради его самого, где аккуратным детским почерком написаны два кратких сочинения: „Орел“ и „Сокол“. Впечатления детства послужили Л. Н. материалом для его повести „Детство, отрочество и юность“, но, пользуясь ею, как биографическим источником, необходимо помнить, что в ней действительность смешана с поэтическим вымыслом. (См. иллюстр. к „Детству, отрочеству, юности“). Изображение детства Л. Н. находится в его воспоминаниях, где рассказывается о детских играх, о дядьке-немце Федоре Ивановиче Рессель (в „Детстве“ изображен под именем Карла Ивановича), о Тагьяне Александровне Ергольской, дальней родственнице Толстых, которую все они называли тетюшкой и которая заменяла Л. Н. в детстве мать. (В музее находится ее рабочий столик). По словам Л. Н., она была в смысле влияния на его жизнь самым значительным лицом после отца и матери.

Другое влияние, испытанное Л. Н. в детстве, было влияние его старшего брата Николая. (См. гипсовый слепок находящегося в Ясной Поляне мраморного бюста, который был заказан самим Л. Н. французскому скульптору Geefs; на стене—портреты братьев Л. Н.): „Старший брат Николаенька,—рассказывает Л. Н. в своих воспоминаниях,—был на шесть лет старше меня... Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек... Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с приведениями в духе мадам Радклиф ¹⁾ или юмористиче-

¹⁾ Анна Радклиф—английская писательница (1764—1823). Ее романы отличаются мрачным и таинственным содержанием. В нач. XIX ст. в России переводы и переделки романов Радклиф пользовались большим успехом.

ские истории без остановки целыми часами и с такой уверенностью в действительности рассказываемого, что забывалось, что это выдумка ¹⁾. Так вот он то, когда нам с братьями было, мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями (вероятно, это были моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья). И я помню, что слово муравейные особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру „муравейные братья“, которая состояла в том что садились под стулья, загораживая их ящиками, завешивали платками и сидели так в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру. Муравейные братья были открыты нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали несчастья, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня... Идеал муравейных братьев, льнущих любовью друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом, всех людей мира остался для меня тот же. И как я тогда верил, что, есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть

1) Впоследствии он напечатал один свой очерк в журн. „Современник“; см. Н. Н. Толстой. Охота на Кавказе. Изд. Сабашниковых. М. 1923.

эта истина и будет она открыта людям и даст им то, что она обещает“.

Карандашный рисунок „Толстой — студент“, самое раннее изображение Л. Н., заставляет нас вспомнить о его студенческих годах. Л. Н. решил поступить в Казанский университет на факультет восточных языков, имея в виду, по словам его биографа, дипломатическую карьеру. В течение 1842—1844 гг. он усиленно готовился к университетскому экзамену, но не сдал его. В августе 1844 г. им было подано прошение на имя ректора университета о дозволении снова держать экзамен. В музее выставлен подлинник этого прошения с резолюцией ректора: „Допустить к дополнительному испытанию“. На этот раз выдержав экзамен, Л. Н. поступил в университет, но, пробыв на факультете восточн. яз. только год, снова подал прошение о переводе его на юридический факультет. (См. это прошение). Но университетские занятия Л. Н. шли беспорядочно. Виной этому была отчасти та праздная великосветская жизнь, которую в то время вел молодой студент, а также та рутина университетского преподавания, с которой не мирилась пылкая и независимая натура будущего писателя. В 1847 г. Л. Н. покинул университет и уехал вместе с братом Николаем (окончивш. курс в том же универс.) в Ясную Поляну. Полный неформальных народнических стремлений, он пытался, как помещик, провести их на деле, но этот опыт среди крепостных окончился неудачей и позднее был описан им в рассказе „Утро помещика“. Вскоре после этого Л. Н. уехал в Петербург. Начался бурный период его жизни: карты, кутежи, увлечения цыганами. Но среди беспорядочной жизни в эту эпоху наметились порывы серьезного художественного творчества. Петербургский период жизни Л. Н. был прерван его внезапным отъездом на Кавказ (1851 г.) Уехать

туда и поступить на военную службу предложил ему брат Николай, служивший в артиллерии на Кавказе. По дороге на Кавказ, в Казани, в доме родственников Юшковых, Л. Н. встретился с молодой девушкой Э. М. Молосовой и влюбился в нее. Это была первая любовь Л. Н. (См. фотогр.). Кавказская жизнь Л. Н. имеет огромное значение в развитии его художественного творчества. Л. Н. начал свое первое литературное произведение „История моего детства“, работая над ним всю первую половину 1852 г. В том же году повесть была напечатана в журнале „Современник“ под буквами Л. Н. и Л. Н., тотчас же принялся за писание нового рассказа „Набег“. Старые журналы, где были напечатаны первые произведения Л. Н., собраны в особой витрине. На стенах висят портреты писателей, с которыми Л. Н. в те годы выступал в журналах.

Фотографии и рисунки, изобр. Севастополь в 1854—5 г., напоминают нам о пребывании там Л. Н. во время войны с Турцией. Офицер Толстой (см. портреты) был прикомандирован к третьей батарее 14-й арт. бригады. Трагические эпизоды обороны Севастополя описаны им в севастопольских рассказах. После падения Севастополя в 1855 году Л. Н. был послан курьером в Петербург с донесением о последнем сражении. В армию он уже не возвратился и вскоре вышел в отставку.

В этой же комнате на стене висит ковер из шкуры медведицы, на которую охотился Л. Н. в 1858 г. и которая едва не загрызла его после неудачного выстрела. Л. Н. спас крестьянин, отогнавший медведицу хворостиной. Случай этот описан Л. Н. в рассказе „Охота пуще неволи“. Тут же ружье Л. Н., с которым он охотился первую половину жизни.

Второй зал. Предметы, выставленные во втором зале, охватывают 60-е и 70-е годы; в жизни Л. Н. к наиболее значительным событиям этого периода относится первое путешествие за границу (1857): Л. Н. посетил Париж и Швейцарию. Заграничные впечатления—лживость зап.-евр. цивилизации—легли в основу рассказа „Люцерн“, где изображено высокомерное презрение богатых англичан к бедному уличному музыканту. Из Люцерна через Германию Л. Н. возвратился в Россию. В начале 1860 года он был сильно встревожен болезнью старшего брата Николая, который поехал лечиться в Германию. Л. Н. поспешил к нему, и они поселились на юге Франции в Гиере, на берегу моря. Но Н. Н. Толстой прожил там не долго, он скончался в сентябре 1860 года. Смерть эта произвела на Л. Н. неизгладимое впечатление.

Задумав устроить в Ясной Поляне народную школу, Л. Н. усиленно читал педагогические сочинения, изучая народное образование за границей. О германских школах он записал в своем дневнике следующие: „Был в школе. Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, напуганные, изуродованные дети“. В Ясной Поляне он устроил целую педагогическую лабораторию, издавал специальный педагогический журнал, где излагал свои взгляды, давал отчеты о своей работе народного учителя и кроме того составлял учебники. Работы Л. Н. по педагогике сгруппированы в особой витрине; интересно первое издание составленной им азбуки ¹⁾.

Не удовлетворяясь одной педагогической деятельностью, Л. Н. занял место мирового посредника. В витрине находятся венчальные свечи, цветы флер-д'оранжа, обручальные кольца, две иконы и

¹⁾ Педагогические статьи Л. Н. вошли в 4-й том полн. собр. его соч.

белые перчатки невесты—воспоминание о свадьбе Л. Н., который 23 сент. 1862 г. женился на Софье Андреевне Берс, дочери придворного доктора жившего в московском кремле Л. Н. было тогда 34 года, а молодой жене—18 лет. После венчания молодые тотчас же уехали в Ясную Поляну. Первое время Л. Н. был увлечен и удовлетворен своим семейным счастьем. В письме в своего друга, поэту А. А. Фету, он писал: „Я две недели женат и счастлив, и новый, совсем новый человек“.

Следующие за этим годы биографии Л. Н. представлены в музее разнообразными картинками и фотографиями—сцены из жизни в Ясной Поляне,—рельефной картой Яснополянской усадьбы и моделью дома. В этой же зале—бюст С. А. Толстой работы скульптора Аронсона (1901 г.) Представление об облике Л. Н. этих лет дают его многочисленные портреты и особенно копия с портрета Крамского (1873).

Обозревая первые и последующие издания романа „Война и мир“, собранные в особой витрине, а также многочисленные иллюстрации к этому произведению, развешенные на стене, мы должны вспомнить и самый роман и историю его создания. Сначала внимание Л. Н. привлекла эпоха декабристов. Результатом этого явилось несколько отрывков, но, изучая эпоху, Л. Н. углубился в историю войн Наполеона, следствием которых явилось восстание декабристов в 1825 г. У него явилось желание изобразить в художественной форме эпопею 1812 года. Он усердно собирал материалы, занимался в библиотеках и архивах, делал выписки, ездил осматривать Бородинское поле, где происходило знаменитое сражение. Роман писался пять лет (1863—1868). Позднейшая критика, изучавшая историю работы Л. Н. над романом, говорит, что „источники романа свидетельствуют о

колоссальной подготовительной работе Толстого по изучению эпохи 12-го года, выясняют характер и процесс его художественного творчества, дают ясное понятие о том, что „Война и Мир“ есть своеобразная художественная мозаика, сложенная из бесконечно разнообразных по своему происхождению сцен и образов, что роман этот в значительной своей части не только исторически правдоподобен, но исторически действителен¹⁾.

Другим крупным художественным произведением Л. Н. после „Войны и Мира“ был роман „Анна Каренина“. (См. первое издание романа в витрине и на стене, снимок с картины П. Яковлева „Анна Каренина на рельсах“). Темой для романа послужило самоубийство одной женщины, бросившейся под поезд близ станции Ясенки; Л. Н. знал эту женщину и ходил смотреть, как судебные власти производили вскрытие ее трупa. Причина самоубийства была романического характера. Эпиграфом к роману Л. Н. поставил библейское изречение: Мне отмщение и Аз воздам, желая выразить этим основную идею романа о том, что существуют законы бытия человеческого, которые человек не должен нарушать. Нарушение этих законов влечет за собой неминуемое страдание. Эта религиозная нота, прозвучавшая в художественном произведении, была отражением происходившего в то время в Л. Н. религиозного процесса.

В этой же зале размещены иллюстрации к другим произведениям Л. Н. этого периода, некоторые письма, а также одна из тетрадей его личного дневника, привычка вести который у него создавалась еще в юности, и том стихотворении Тютчева, раскрытый на любимом Л. Н. стихотворении

¹⁾ К. В. Покровский. Источники романа „Война и Мир“ Сборник „Война и Мир“, под ред. Полнера и Обнинского М. 1912 г.

„Silentium“ с карандашной пометкой: буква Г, — пометка которой Л. Н., обозначал глубину поразившей его мысли.

Третий эл.

Путь религиозных исканий и сомнений описан Л. Н. в „Исповеди“ (1879), листки из рукописи которой лежат в витрине. Кризис в религиозно-философских взглядах Л. Н. выразился в том, что он начал перестраивать свою личную жизнь: отказался от всяких излишеств, вина, табаку, мяса, стал заниматься физическим трудом, пахать землю, косить, рубить дрова, помогая этим вдовам и сиротам (снимок с картины Репина — Толстой пахарь — и ряд рисунков).

80 е годы отмечены в биографии Л. Н. его стремлением создать новый тип лубочной народной книжки. Лубочная литература, т.-е., дешевые книжки и картины, разносимые в лубочных коробах деревенскими разносчиками, были написаны безграмотно, являясь не только скудной, но и вредной духовной пищей, которая преподносилась народу. Лубочная литература состояла гл. обр. из житий святых, патриотических военных рассказов и грубых романических приключений. Л. Н. захотел улучшить эту лубочную литературу, дать книжки с художественным и нравственным содержанием. Он написал несколько народных рассказов („Свечка“, „Упустишь огонь — не потушишь“, „Сказка об Иване-дураке“ и др.), которые были напечатаны под видом лубочных книжек. Осуществлению этой мысли Л. Н. помог его новый друг В. Г. Чертков, давший средства на издание лубка. Практическим исполнителем плана был И. Д. Сытин, известный издатель, а в то время скромный торговец лубочными книжками. Книжки Л. Н. выпускались и расходились в сотнях тысяч экземпляров. Так возникло издательство „Посредник“, в котором Л. Н. до конца своих дней принимал самое близкое и горячее участие. Кроме книжек,

Л. Н. писал еще и тексты к лубочным картинкам. Лубочные издания Толстого собраны в витрине, лубочные картинки—на стенах. В этой же зале следует обратить внимание на фотографии первых театральных постановок пьес Л. Н.—комедии „Плоды просвещения“ и драмы „Власть тьмы“ (последняя долгое время не разрешалась цензурой к постановке на сцене), а также на бронзовые статуэтки Л. Н., работы скульптора Гинцбурга, портреты Л. Н. и его друзей—И. С. Тургенева, А. А. Фета и Н. Н. Страхова.

Четвертый зал. Предметы, выставленные в четвертом зале, обнимают 90-е и 900-е годы. В этот период уже совершенно сложились и окрепли религиозно-философские убеждения Л. Н. Несмотря на запрещение цензуры, религиозно-философские произведения Л. Н. распространялись в многочисленных копиях, рукописных и литографированных. Некоторые экземпляры таких копий—памятники эпохи гонения на Толстого,—собраны в особой витрине. Запрещенные произведения Л. Н. печатались по-русски за границей и оттуда проникали в Россию. Распространение этих произведений („Исповедь“, „В чем моя вера“ и др. печатные издания собраны в витрине) привлекали к Л. Н. множество людей, более или менее близко разделяющих его убеждения. (См. фотографии друзей и единомышленников Л. Н.). Одним из первых идейных знакомств Л. Н. было его сближение с сектантом Сютаевым (См. его портрет). Нравственная проповедь Сютаева была основана на евангелии и заключалась в согласовании жизни с внутренним голосом совести, что внешне должно было выразиться в устройстве братской общины. „Сютаев, по словам Л. Н., много способствовал ему в разъяснении его взгляда на благотворительность. Он поразил Л. Н. проектом уничтожения нищеты: разобрать бедных по домам всем доста-

точным людям и вести с ними деловую рабочую жизнь“.

Другим человеком, произведшим на Л. Н. сильное впечатление, был крестьянин Бондарев (см. портрет), сосланный в Сибирь за распространение учения секты субботников. В ссылке, думая над причинами экономического неравенства, он пришел к следующему решению, выраженному им в библейских образах: „Первая заповедь, данная богом человеку, была: мужчине в поте лица снеси хлеб свой, женщине—в болезнях родити чада“. Женщины, говорил Бондарев, исполняют эту заповедь, но мужчины, особенно образованный класс, уже не добывают своего хлеба трудом, а покупают чужой. От этого произошло все зло: роскошь, с одной стороны, и нищета и темнота—с другой. Никакие проповеди не помогут искоренить зло, потому что, не исполнив первой заповеди о труде, нельзя исполнить и последней—о братской любви, и проповедь ее является пустым лицемерием. Эти взгляды были изложены Бондаревым в большом сочинении: „Трудолюбие и туеядство или торжество земледельца“. Л. Н. была прислана эта рукопись, и он, во многом увидав в ней совпадение со своими взглядами, вступил в переписку с Бондаревым. Сочинение Бондарева, долго не разрешаемое цензурой, было при содействии Л. Н. напечатано в издательстве „Посредник“ в сокращенном виде.

Из крупных художественных произведений Л. Н. за этот период был написан роман „Воскресение“. (См. иллюстр. худ. Пастернака). Главная тема этого романа—история падения и возрождения человеческой души. Кроме того, в романе ярко выражена критика государственных, церковных и общественных учреждений, поэтому печатать книгу в полном виде в России не разрешала цензура, и полностью она была напечатана за границей.

Печатанье романа „Воскресение“ в России связано с духоборцами. Учение их, основанное на отрицании всякого насилия и убийства, а также внешней церковности, во многом близко взглядам Л. Н. В 1896 г. группы духоборцев Закавказья за отказ от военной службы были подвергнуты ссылке в Якутск. обл. После долгих хлопот, в которых Л. Н. принимал самое живое участие, удалось добиться разрешения на выезд духоборцев в Америку, в Канаду. Для переселения требовались большие деньги. На помощь пришел Л. Н. Он закончил давно начатый роман „Воскресение“ и предложил его издателю Марксу для журнала „Нива“, и полученный гонорар пошел на переселение духоборцев. Поступок Л. Н. вызвал другие пожертвования, и переселение благополучно состоялось (см. фотографии духоборцев).

Голод 1891 года, охвативший половину России, заставил Л. Н. стать во главе движения помощи голодающим. Он устраивал столовые, писал статьи о голоде, собирал пожертвования. В то же время Л. Н. работал над большим философским сочинением: „Царство божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизненное понимание“. Книга была запрещена цензурой, но в России распространилась в рукописных копиях, а за границей была напечатана почти на всех языках. В книге Л. Н. подвергнул резкой критике современный ему государственный строй, и это послужило поводом к причислению Л. Н. к анархистам. (См. витрину, где собраны сочинения Л. Н. этих лет).

В конце 90-х годов Л. Н. написал большую работу „Что такое искусство?“, в которой резко осуждал искусство современное, требуя от него доступности народу, искренности, серьезности содержания.

Влияние Л. Н. на самую разнообразную массу людей обеспокоило государственную православную

церковь. В феврале 1901 года синод издал указ, которым Толстой за свое „лжеучение“ был отлучен от православной церкви, т. е., лишен ее покровительства, молитвы церковного погребения. Объявление указа вызвало в Москве волнение студентов, к которым присоединились и рабочие. Л. Н. получил множество приветствий и выражений сочувствия.

Годы войны с Японией, революция 1905 года и полоса казней для Л. Н. выразились в ряде статей, призывавших к единому средству спасения, основанному на разуме и любви. (См. в витрине листовку Толстого „Не могу молчать“, на стене—снимок с картины Яна Стыки на эту тему).

Считая, что для людей самое важное—уяснить смысл жизни, Л. Н. собрал и издал сборник „Мысли мудрых людей“:—Христа, Сократа, Руссо, Паскаля, Будды, Лаодзе и мн. др. Сборник впоследствии был переработан им в известный всем „Круг чтения“. (Портреты мыслителей из „Круга чтения“ с цитатами из их сочинений см. на стене; экземпляр „Круга чтения“—в витрине в пятом зале).

Заканчивая обозрение четвертого зала, посмотрим портреты и скульптуру, изображающую Л. Н., (блуза его того типа, который он носил последние годы, находится в витрине), многочисленные фотографии яснополянской жизни (интересны фотографии в стереоскопе), и взглянем на два железнодорожных билета, взятых Л. Н. и доктором Маковицким ¹⁾ в октябре 1910 года, когда Л. Н. решил покинуть Ясную Поляну. В этой же витрине—маленькое евангелие, которое Л. Н. постоянно носил с собой; на страницах его сделаны им различные пометки.

Уход Л. Н. из Ясной Поляны и его смерть изображены в серии рисунков художника Росинского. Л. Н. уже давно му-

¹⁾ Д-р Д. П. Маковицкий жил в доме Л. Н. несколько лет и был его близким другом.

чило несоответствие между исповедуемой им верой и жизнью в семье. Определилось и расхождение во взглядах на жизнь с Софьей Андреевной. Покинуть дом, переменить жизнь, которую он считал праздной, Л. Н. задумал давно, неоднократно высказывая своим друзьям, что ему тяжело жить и пользоваться относительными благами жизни, со всех сторон слыша упреки врагов, что он только пишет о простоте, а сам пользуется услугами лакеев ¹⁾. Но осуществить свой уход ему удалось только в 1910 году.

Об уходе Л. Н. из Ясной Поляны тотчас же заговорили газеты. Газетные столбцы были наполнены тревожными телеграммами. Вот одна из таких первых телеграмм в газетах от 30 октября: „Тула. 29, X. Из Ясной Поляны получено известие, что Л. Н. Толстой уехал, неизвестно куда, вместе со своим доктором Маковицким. Л. Н. оставил записку, что желает конец жизни провести в уединении“. Дополнительно сообщались подробности: „Тула. (Срочная). Л. Н. уехал вчера в 5 час. утра, когда еще было темно: Л. Н. пришел в кучерскую и приказал заложить лошадей. Кучер Адриан исполнил приказание. Когда лошади были готовы, Л. Н. вместе с доктором Маковицким, взяв необходимые вещи, уложенные еще ночью, отправился на ст. Шекино. Впереди ехал почтарь Филька, освещая путь факелом ²⁾. На ст. Шекино Л. Н. взял билеты до одной из ст. Моск.-Курск. ж. д. и уехал с первым проходившим поездом. Когда утром в Ясной Поляне стало известно о внезапном отъезде Л. Н., там поднялось страшное

¹⁾ Душевное состояние Л. Н., когда он почувствовал невозможность жить в семье, изображено в драме, имеющей автобиографическое значение: „И свет во тьме светит“. М. 1919 г.

²⁾ Этот момент и изображен на одном из рисунков худ. Росинского,

смятение". Из газет же стало известно, что Л. Н. посетил Оптину пустынь, где переночевал в гостинице и утром побывал в соседнем Шамардинском монастыре, где проживала его сестра-монахиня. Уходом Л. Н. была встревожена и полиция, которая начала его розыски. Вести о таинственном исчезновении великого писателя распространились по всему свету.

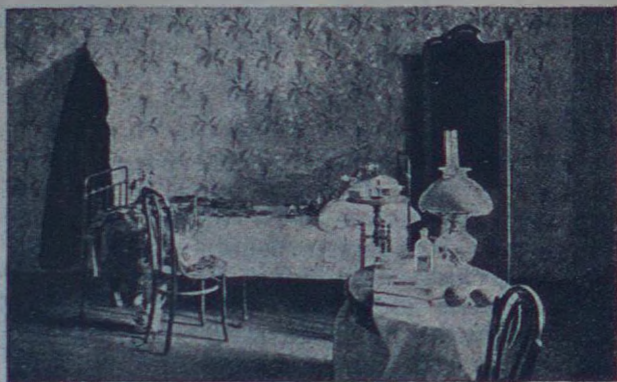
2-го ноября в газетах появились первые сообщения о болезни Л. Н., находившегося на ст. Астапово Ряз.-Ур.-ж. д. Начальник станции Озолин (см. фотогр.), предоставил больному Л. Н. комнату в своей квартире. Газетные корреспонденты, нахлынувшие на эту, до того безвестную ж.-д. станцию, настолько досаждали родным Л. Н., уже прибывшим сюда, что Александра Львовна поместила в газетах следующую телеграмму: „Астапово, 2, XI, 11 час. 45 мин. утра. Л. Н. заболел бронхитом, вследствие чего пришлось прервать путешествие. Непосредственной опасности нет. Обстановка самая покойная и удобная. Только корреспонденты досаждают окружающим. Убедительно просим не приезжать. О ходе болезни будем сообщать газетам своевременно“.

Минуя пока 6-й зал, войдем в 7-й, представляющий точное воспроизведение комнаты на ст. Астапово, где окончил свои дни Л. Н.

Седьмой зал. Небольшая комнатка, стены оклеены простенькими обоями, на окне тюлевая гардина, на круглом столике горит лампа под зеленым абажуром, лежит пульверизатор, клеенка для компресса, стоит лекарство. После светлых музейных зал, в зеленоватом полумраке этой скромной комнатки, нас охватывает чувство грусти и благоговения. Здесь только часть предметов скопирована. Но кресла, стулья, ширмы, подсвечник и пр. приобретены в Астапове из той же обстановки. У стены стоит кровать, та самая, на

которой скончался Л. Н. У дверей налево висит армяк, в котором Л. Н. выехал 28 октября из Ясной Поляны, направо стоит чемодан, взятый им тогда с собой.

К больному Л. Н. в Астапово были вызваны доктора для консилиума. Болезнь была определена, как воспаление легких. Тем временем совет министров и святейший синод были обеспокоены вопросом о примирении умирающего Л. Н. с православной церковью. В Астапово даже прибыл



Комната на ст. Астапово.

некий старец Варсонофий с целью вернуть Л. Н. в лоно официальной церкви. Но видется с умирающим ему не пришлось. 7-го ноября, (ст. ст.) в 6 час. 5 мин. утра Л. Н. Толстой скончался.

Шестой зал. Похороны Л. Н. происходили при огромнейшем стечении народа. (См. рисунки и фотографии). Без церковных обрядов, отрицаемых всем учением Л. Н., его похоронили в Ясной Поляне, согласно воле, им выраженной, у дороги на краю оврага, у Старого Заказа, в том месте, где по детской легенде, рассказанной

братом Николенькой, зарыта зеленая палочка хранящая тайну братской любви и мира среди людей.

Взглянем на венки, возложенные на могилу Л. Н. и, возвратившись в пятый зал, закончим осмотр музея, посмотрев на гипсовую маску Л. Н. и слепок его руки.

В заключение следует сказать, что при музее имеется библиотека для научных занятий. В библиотеке около 12000 томов. Она состоит из многочисленных изданий Толстого на русском и иностранных яз. (европейских и восточных), книг и журналов о Толстом и отдела газетных вырезок.

Дом Л. Н. Толстого в Москве.

От Зубовской площади (с трамвайной линии Б., от Смоленского рынка) повернем направо, пройдем немного по Царицынской улице, свернем во 2-й переулок налево—Долго-Хамовнический, он наз. теперь улицей Толстого, и придем к деревянному дому № 21. Это—дом Л. Н. Толстого. Теперь дом является народным достоянием и получил характер музея ¹⁾.

Дом был куплен Л. Н. в 1882 году.

„Вероятно, видя неизбежность ежегодных переездов семьи в Москву“ (детям нужно было учиться), в видах хозяйственной экономии, чтобы не платить за дорогую квартиру, Л. Н. решил приобрести в Москве свой дом. Выбор его пал на Долго-Хамовнический переулок, где и был куплен дом с садом. В доме до переезда семьи Толстых был сделан капитальный ремонт, которым руководил сам Л. Н., и при переезде в октябре в Москву всей семьи он был уже раньше там, встретил их на вокзале и привез в новый дом“.

¹⁾ Дом Л. Н. Толстого открыт для осмотра: четв. и воскр. от 11 до 4 ч. дня; для иногородних кроме указанных часов, и во вне урочное время.

Вот что пишет об этом переезде Софья Андреевна своей сестре: „14 октября 1882 года. Приехали мы в Москву 8 октября... Ехали благополучно. В Москве Левочка нас встретил с двумя каретами, дома был обед, и чай, и фрукты на столе. Но я от дороги и недельной укладки до того устала и пришла в свое раздражение, и ничего меня не радовало, а напротив. Дома тут все устроено удобно и хорошо, сад всех нас приводит в восторг, верх, т.-е. парадные комнаты, еще не совсем готовы, и пожалуй, раньше месяца так и не устроиться. Но мы без них совершенно свободно обходимся, сидим больше в моей и Таниной комнате. Левочка был очень весел и оживлен“...¹⁾

В своем московском доме Л. Н. жил по зимам до 1901 года, когда, покинув город уже навсегда, уехал в Ясную Поляну²⁾. Вскоре после смерти Л. Н.-ча С. А. Толстая продала дом городу. С 1920 г. дом состоит в ведении отдела по делам музеев Наркомпроса. В настоящее время в доме восстановлена только часть комнат³⁾. В них та самая обстановка, которая была при Л. Н., и эта часть дома имеет почти тот же вид, который имела во времена Толстого, и переносит нас в ту, уже далекую эпоху.

Через парадную дверь мы входим в небольшую переднюю. Поднимаемся по неширокой деревянной лестнице. На площадке высокое зеркало, на подзеркальнике свечи в тяжелых бронзовых подсвечниках, тарелочка с визитными карточками гостей старого Толстовского дома; на маленьких кусочках картона напечатаны имена профессоров, жур-

1) Биогр. Л. Н. Толстого, написанная П. Бирюковым.

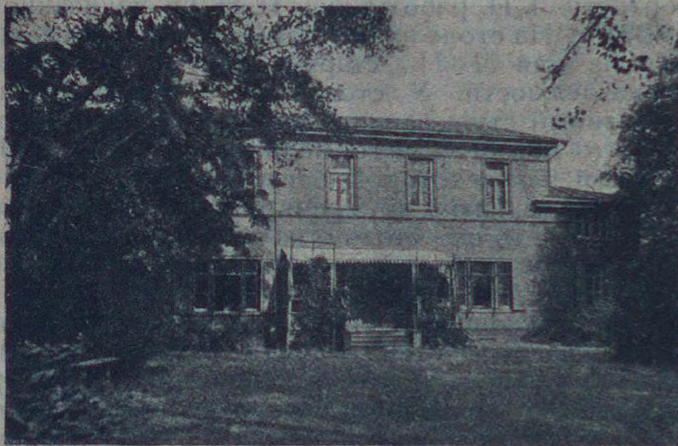
2) Последний раз Л. Н. был здесь проездом в 1909 г.

3) Не восстановлены за отсутствием у музея средств комнаты нижнего этажа: столовая, приемная, спальня, детская и др.

налистов, видных в свое время деятелей, желавших видеть Л. Н. или С. А. Лакей спрашивал посетителей:

— Вы к графу или к графине?

Гости делились на две группы, не похожие одна на другую. Гости Софьи Андреевны были знакомые семьи Толстых и светские посетители журфиксов. Гости Л. Н. были самых разнообразных сословий и профессий: у него бывали сель-



Вид дома Л. Н. Толстого вблизи.

ские учителя, и крестьяне, и рабочие, и сектанты, приходившие с серьезным вопросом о смысле жизни; бывали и просто любопытные, чтобы поглядеть великого писателя, и получить автограф или фотографию. Посетителей последней категории Л. Н. не очень долюблял, но и их встречал почти всегда с неизменной любезностью. Их проводили ко

Льву Николаевичу в кабинет, в который ведет узенький коридор, прозванный „ход в катакомбы“.

Кабинет и в настоящее время сохраняется в том самом виде, который имел и при Л. Н. Это небольшая, почти квадратная комната с низким потолком. Стены выкрашены клеевой краской светло-голубого цвета. На них нет ни картин, ни портретов. Окна (на которых висели зеленые шторы) выходят в сад. Налево от двери, боком к окну, стоит небольшой письменный стол, очень простой, с решеткой по краям, хорошо знакомый нам по портрету Л. Н. работы худ. Н. Н. Ге, написанному в 1884 г. На столе пачки старых писем, адресованных на имя Л. Н., старые газеты, письменные принадлежности. У стола самый обыкновенный деревянный стул; единственная особенность его в том, что ножки у него подпилены самим Л. Н., который по некоторой близорукости, чтобы не наклоняться низко во время письма или чтения, любил сидеть за столом на невысоких стульях. За столом у стены— книжный шкаф с стеклянными дверцами, самого обычного вида. Л. Н. вообще не любил „роскошной“ мебели, и многие вещи для обстановки своего дома покупал в старых мебельных лавках у Сухаревой башни. Книжный шкаф и при жизни Л. Н. всегда был наполовину пуст; библиотека находилась (как и сейчас) в Ясной Поляне, и в Москве были только те книги, которые в данное время требовались Л. Н. для работы. У письменного стола мягкое кожаное кресло для посетителей, сильно ими потертое. Такого же типа мягкие кресла у стены, вокруг овального стола перед диваном. Пол в кабинете деревянный, крашенный.

Рядом с кабинетом маленькая комната. В ней на столике лежат сапожные инструменты Л. Н. и сшитые им самим сапоги; тут же его рабочий фартук. У стены велосипед Л. Н. с номером 867. За простым шкафом для платья стоит умывальник.

В коридоре находится комната слуги, Ильи Васильевича Сидоркова¹⁾, комната экономки Авдотьи Васильевны, хранящие свой старый вид.

Рядом — комната дочерей Л. Н., — Татьяны Львовны и Марии Львовны. И в этой комнате обстановка самая простая, без всякого намека на какую бы то ни было роскошь. Простые железные кровати, покрытые белыми одеялами, небольшое зеркало, скромный туалетный столик с безделушками. На стене портрет композитора Танеева, близкого знакомого Л. Н., работы Татьяны Львовны. Из коридора, рядом с кабинетом Л. Н. — другой выход в верхние комнаты. Поднявшись по лесенке, мы входим в комнату, носившую название маленькой гостиной. Здесь у стены стоит диван, на котором родился последний ребенок Л. Н., Ваничка, смерть которого (он умер 7-ми лет, в 1895 г.) причинила Л. Н. глубокое горе. На диване — большая Ваничкина кукла

Рядом с маленькой гостиной — другая гостиная. Мягкая мебель; над диваном ковер, вышитый Софьей Андреевной; у окна ее рабочий стол. На нем в папке, среди прочих бумаг, план издания полного собрания сочинений Л. Н., написанный С. А. Рядом маленький старинный столик с инкрустацией, работы яснополянских крепостных. На стене портрет Л. Н. — копия с портрета работы Н. Н. Ге.

Из гостиной переходим в светлый просторный зал. Здесь нет ни ковров, ни картин, и комната кажется немного пустынной. У стены, почти посредине комнаты, длинный широкий стол, накрытый белой скатертью, приготовлен для чая; стоит никелированный самовар, чашки, тарелки; у стола расставлены стулья. У другой стены, у дверей с площадки лестницы, стоит рояль. Л. Н. очень любил

¹⁾ И. В. Сидорков в настоящее время живет в Ясной Поляне.

музыку, и музыканты были здесь частыми и желанными гостями. Пустынный и тихий теперь зал в былые годы каждый вечер наполнялся самыми разнообразными людьми. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях писатель Н. И. Тимковский, посетивший дом Толстого в 80-х годах ¹⁾.

„Вспоминаю теперь дом Толстого, и передо мной вырисовывается какой-то невероятный калейдоскоп. Самые разнообразные люди приходят, уходят, соединяются наверху у Л. Н. или внизу в столовой, в гостиной, в чрезвычайно прихотливые группы. Тут — все, начиная с знатного иностранца, приехавшего в шегольском ландо, и кончая самоучкой-поэтом, который пришел пешком за полтораста верст, что бы показать Л. Н. свои „Песни и Думы“.

В те годы популярность Л. Н. росла с каждым днем. Паломники тянулись со всех концов в Хамовнический переулок...

Все обращаются к нему, как к оракулу. Городская учительница отдает на решение Л. Н. вопрос: „Выходить ли ей замуж за простого мужика?“ издатель покорнейше просит написать ему предисловие к книге, гимназист приходит побеседовать о половой жизни и исповедоваться перед Л. Н., революционер является поспорить о „непротивлении“... Да всего не перечислишь!..

Собрались посетители. Сам Л. Н. сидит за столом, накинув плед, потому что из окна поддувает. Загородившись от стоячей лампы ладонью, Л. Н. смотрит из-под щитка своими пронизательными глазами на собеседника, предводителя дворянства, приехавшего откуда-то издалека. Вдоль стенки разместились земские врачи из Сибири, один московский ученый, еще кто-то, похожий с виду на послушника...

¹⁾ Н. И. Тимковский. О Л. Н. Толстом. „Сборник воспоминаний о Толстом“. М. 1911 г.

Входит старый знакомый Л. Н., начинаются обычные фразы о здоровье и новостях... „Ну, мы поиграли с вами разговорным мячиком, говорит Л. Н., — теперь давайте о деле“... и он тотчас же заговаривает о том, что его в данный момент всего больше волнует. Разговор мало-по-малу становится общим...

Но являются новые посетители, все с новыми и все с неотложными делами, и Л. Н. радушно просит всех вниз в столовую пить чай. А там тоже сидят люди, в ожидании Л. Н. и готовят для него новые дела, новые вопросы...

Помню вечера, когда дом Толстого становился буквально каким-то кинематографом: беспрестанно мелькали знакомые и незнакомые лица, сменялись посетители, дела, вопросы, разговоры. В глазах пестрело...

— Что, Л. Н., очень вас одолевают люди? — спросил я его однажды.

— Да, одолевают. Сил становится все меньше, а дела все прибавляется...

Помню, попал я к нему вскоре после его отлучения. Комната была завалена адресами и разными другими вещественными выражениями сочувствия...

Сам Л. Н. относился к отлучению совершенно спокойно.

— Ну, что они этим доказали? — добродушно спрашивал он и принимался рассказывать о разных курьезах, связанных с отлучением. Так, одна православная старушка, прочитав об отлучении Толстого от церкви, явилась к нему по этому поводу с просвиркой, желая таким способом хоть немножко уврачевать его рану. „Скушайте ее, Лев Николаевич, во славу божию, на доброе здоровье“... А какой-то немецкий фабрикант, прослышав про скандал с графом Толстым, немедленно прислал ему запрос: „Не разрешит ли Л. Н. поставить свою фамилию на сигарах его фабрики?“

... Л. Н. убивается, силясь помочь людям, чем только может, утешает, ободряет, ищет для них заработка, пристраивает, хлопочет за политических, пуская для этого в ход свои связи, хотя это для него иногда очень тягостно. Даже когда ему самому нездоровилось, он случалось, бегал навещать больных, провожать ссыльных, выручать кого-нибудь из беды.

Один мой знакомый, честный и добрый человек, доведенный обстоятельствами до исступления, стал убийцей... Л. Н., узнав от меня про условия, в которых все произошло, тотчас же вступился и написал председателю суда горячее, убедительное письмо, быть-может, избавившее невольного убийцу от каторги...

Трудно встретить более честное отношение к людям: чтобы выполнить данное обещание, Л. Н. забросит дела, не позволяет себе отдохнуть — и свято держит слово. Не находя времени днем, читает по ночам рукописи, начинающих авторов. Утомленный, заставляет себя принимать посетителей, раз у них — неотложное дело^а...

Этими воспоминаниями мы и закончим осмотр дома Л. Н. Заглянем в сад. Там тоже осталось все попрежнему. Зимой там устраивался каток, на котором вместе с своими детьми катался на коньках Л. Н. Там же колодец, откуда Л. Н. начал воду и в бочке подвозил ее к дому. На этом дворе Л. Н. когда-то колот дрова.

Кинув последний взгляд на деревянный, покрашенный серовато-розовой краской дом Л. Н., мы снова выходим в узенький Долго-Хамовнический переулок, названный теперь улицей Льва Толстого в память пребывания здесь великого русского писателя.

Ясная Поляна ¹⁾.

Ясная Поляна в жизни Л. Н. Толстого занимает очень большое место. Здесь он родился и прожил большую часть своей жизни, здесь же находится его могила. В старом яснополянском доме задумано и написано большинство произведений Л. Н. Яснополянская усадьба, ее обитатели, деревня и крестьяне, окрестности—все это находило отзвук в творчестве Л. Н. Дом, где жил Иртеньев, имение Нехлюдова в „Утре помещика“, усадьба, где жил Поликушка, Лысые Горы в „Воине и Мире“, имение Левина,—все это носит на себе черты яснополянской жизни.

Ясной Поляне „суждено было приобрести всемирную известность. Каких только гостей не видала у себя Ясная Поляна! Жители Малайского архипелага, австралийцы, японцы и американцы, сибирские бегуны и представители всех европейских наций посещали ее и разносили по всему свету описание ее, слова и мысли великого старца, ее обитателя“.

„Ясная Поляна, родовое имение князей Волконских, находится в Крапивенском уезде, Тульской губ., почти на границе Тульского уезда, в 15 верстах к югу от Тулы. Близ нее переплетаются между собой три большие дороги трех разных эпох: заросшая травой старая Киевская дорога, новое Киевское шоссе и Московско-Курская железная дорога, ближайшая станция которой Козловка-Засека или просто Засека (теперь—„Ясная Поляна“), находится от дома Л. Н. в 3¹/₂ верстах.

¹⁾ Ясная Поляна. Краткое описание и сведения для посетителей. Изд. Толстовского О-ва в Москве. М. 1914. Л. Е. Грузинский. Ясная Поляна. Гос. Изд. М. 1922. Ясная Поляна для осмотра открыта по четвергам и воскресеньям с 11 до 3 ч. дня.

Красивая холмистая местность, окружающая Ясную Поляну, перерезана с востока на запад длинной лентой казенного леса, носящего название Засеки; название это указывает на отдаленные времена, когда в этом месте славянским племенам приходилось отражать нападение крымских татар и других монгольских племен и засекаать, т. е. рубить лес и делать лесные завалы, естественное и непроходимое препятствие для вражеских орд¹⁾».

Дома, в котором родился Л. Н., в Ясной Поляне уже нет. Начатый еще дедом, князем Волконским, и достроенный отцом Л. Н., он был продан на своз соседнему помещику Горохову в село Долгое, верстах в 30 от Ясной Поляны. В начале пятидесятых годов Л. Н., будучи на Кавказе и находясь в затрудительных денежных обстоятельствах вследствие крупного проигрыша, поручил одному из своих родственников продать этот дом. „Огромный барский дом с колоннами и балконами был продан за сравнительно ничтожную сумму, около 5.000 рублей ассигнациями. По письму Л. Н. к его брату видно, что ему было очень трудно решиться на это, и он сделал это скрепя сердце по необходимости“. Этот дом в настоящее время разрушен. А на его месте Л. Н. насадил деревья: липы, ясени, дубы и лиственницы. Теперь эти деревья разрослись, стали старыми и тенистыми; Л. Н., показывая на верхушку старой лиственницы, говаривал: „Вот, где я родился“.

„Теперешние два яснополянские дома преобразованы из двух прежних флигелей, стоявших по обе стороны большого проданного дома. Перед домами теперь цветник и за ним раскинулся старинный сад с прудами и вековыми липовыми аллеями. Весь сад окружен канавой и валом. При въезде в этот сад стоят две круглые выбеленные

1) Биография Л. Н., написанная Н. Бирюковым.

кирпичные башни. Около них, по рассказам стариков, во времена деда, князя Волконского, стоял часовой. От этих башен к дому ведет березовая аллея, так называемый проспект.

К старинному саду примыкают более молодые фруктовые сады, саженные уже под руководством самого Л. Н. И вся усадьба, расположенная на холме, тонет в густой роскошной зелени⁴.

Ясная Поляна перешла к Л. Н. от его матери, урожд. кн. Волконской, по разделу с братьями в 1847 г. В 90-х годах, когда Л. Н. отказался от всякой собственности, имение перешло к его семье. После смерти Л. Н. его младшая дочь, Александра Львовна, исполняя желание умершего, выкупила на деньги, полученные от продажи посмертных сочинений Л. Н., 700 дес. земли и передала их крестьянам. Остальные 200 дес. вместе с усадьбой остались во владении вдовы Л. Н., Софьи Андреевны, проживавшей здесь до своей смерти в 1919 году. После революции имение стало достоянием русского народа, а дом получил характер национального музея.

И наружный и внутренний вид яснополянского дома—тот же, который был и при Л. Н. Распределение комнат менялось несколько раз. За последние десять лет жизни Л. Н. распределение было следующее. Внизу: передняя с комнатой для прислуги, комната для приезжих (бывший кабинет Л. Н. и библиотека), буфетная, комната доктора, комната Александры Львовны, девичья, кухня, комната с ванной, издавна называемая почему-то приспешной, кладовая. Наверху: канцелярия или библиотека, комната секретаря, зала, маленькая гостинная, кабинет и спальня Л. Н., комната С. А., комната для гостей.

Ясная Поляна была множество раз описана самыми разнообразными людьми, посещавшими ее.

Приводим одно из таких описаний, отрывок из воспоминаний П. А. Сергеевского ¹⁾.

„В Ясной Поляне мне пришлось быть в первый раз осенью 1895 года.

Было ясное, тихое утро, когда поезд остановился около станции Козловка-Засека. Дорога от станции идет здесь широкою просекой через дубовый лес, который был уже тронут осенними красками и живописно выделялся на светло-бирюзовом небе.

Меня вез в коляске плечистый кучер с черною бородой. Он говорил с достоинством и отзывался о своих господах с одобрением.

—Таких господ, как Лев Николаевич,—говорил он,—должно-быть, больше и нет на свете. Они кажутся не то, что старше, а меньше всех. И всегда, кто бы ни был, генерал ли, простой ли человек, для них нет различия. Со всеми они одинаковы, вежливы, обходительны.

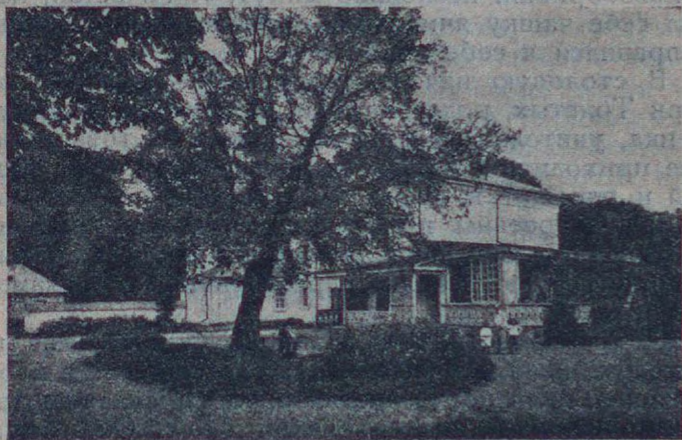
Мы пересекли тянувшееся стрелою шоссе и увидели на отлогой возвышенности большой сад, скрывавший от нас Ясную Поляну. Сад, разбитый в Ясной Поляне, очень велик. Он занимает около 30 десятин, и во время урожая здесь бывает много яблоков. Передвездом в яснополянский парк стоят две башни. От башен идет парком дорога, которая немного поднимается около усадьбы и тянется ровным коридором вековых берез. Сквозь чащу листьев блеснул пруд, промелькнула четырехугольная укатанная площадка с сеткой для лаун-тенниса и, наконец, забелел длинный двухэтажный дом.

Коляска обогнула боковой без окон фасад дома и остановилась около низенького крыльца, к которому протягивал длинные ветви старый почерневший вяз, с подвешенным к нему колоколом. В

¹⁾ П. Сергеевский. Как живет и работает Л. Н. Толстой.

определенные часы этот колокол голосисто сзывал к еде многочисленных обитателей Ясной Поляны. Возле вяза стоит скамья, на которой просители ожидали Л. Н. И кто-то из приезжих дал вязу название дерева бедных.

В небольшой передней с некрашенным полом стоял широкий шкаф с книгами. Около зеркала с ящиком для писем блестели два велосипеда и виднелся длинный ящик с принадлежностями крокета.



Дом в Ясной Поляне и „дерево бедных“.

На подзеркальнике лежали две пачки английских газет со множеством штемпелей и японский журнал с вертикальными строками. Из прихожей шла широкая деревянная лестница на верх. Как и в Москве, от всего и здесь веяло простотой...

Слуга, вышедший ко мне из-за перегородки, сказал, что Л. Н. наверху с гостями.

Это было против правил. Обыкновенно Л. Н. очень дорожил утром.

Я поднялся по лестнице и вошел в большую комнату, выходящую окнами в противоположные стороны. Стены были увешены семейными почерневшими портретами¹⁾. Посредине комнаты за длинным столом сидел Л. Н. и несколько человек гостей. Было около 9 часов утра. На столе стояли кипевший самовар с кофейником, чашки, сливки, хлеб, масло.

Л. Н. беседовал со студентом, жуя хлеб и двигая бородою. Познакомивши меня с своими гостями и поговоривши несколько минут, Л. Н. встал, налил себе чашку ячменного кофе и, извинившись, направился к себе—работать.

В столовую начали собираться—графиня, дочери Толстых, родственники, англичанка, французженка, учитель-студент, мальчики и их товарищи. Все приходили порознь, выпивали свой кофе или чай и уходили к своим занятиям. С появлением Софьи Андреевны порядок заметно восстановился. Потухший самовар начинал шуметь, остывший кофе подогревался, перестоявшийся чай замесился свежим.

С. А.—превосходная хозяйка, внимательная и обходительная, хлебосольная. Все сложное и хлопотливое дело по хозяйству и по управлению делами находилось на попечении С. А. Она была неутомима и всюду вносила свою живую энергию, домовитость и распорядительность.

¹⁾ В зале висят следующие портреты: монахиня кн. Т. Г. Горчакова, прапрабабка Л. Н. (Портрет написан в 1705 г.); ее сын прадед Толстого; слепой кн. Н. И. Горчаков; дед Л. Н. со стороны отца, граф И. А. Толстой; дед со стороны матери, кн. Н. С. Волконский; его жена, урожденная кн. Трубецкая; портрет С. А. Толстой, худ. Серова, написан в 1892 году; Л. Н. Толстой в 1887 году, худ. Репина; Т. Л. Толстая в 1893 году худ. Репина; Л. Н. Толстой в 1873 г. худ. Крамского; М. Л. Толстая, 1891 году, худ. Н. Ге; Л. Н. верхом, худ. Игумновой и несколько, гипсовых бюстов Толстого—работы Н. Ге, Репина и П. Трубецкого.

Помощников у графини не было. У дочерей были свои дела и обязанности, бравшие у них без остатка все их время. Особенно много работала в то время старшая дочь Л. Н. Толстого, Татьяна Львовна. Кроме спешной переписки работ отца, она еще вела его огромную корреспонденцию.

Писем получалось множество, со всех концов мира и на всевозможных языках. Как велика корреспонденция у Л. Н., можно судить по тому, что одна только переписка по поводу голодного года занимает целый шкап. Письма хранились у Толстых по-заграничному—с конвертами, в которых получены, и редкое письмо оставалось без ответа.

После кофе все разошлись по своим делам и зал опустел. Я отправился вниз в библиотеку, которая вместе с другой смежной комнатой отводится для гостей. Комната эта убрана просто, но со вкусом, в ней очень уютно. На стене висят семейные портреты, портреты Диккенса, Шопенгауера, Тургенева и др. Посредине стены, в нише стоит небольшой мраморный бюст любимого брата Л. Н., Николая Николаевича. На книжных полках то-и-дело попадаются брошюры и книги с авторскими надписями. И каких только нет тут посвящений! И в прозе, и в стихах, и по-итальянски, и по-сербски. Рядом находится небольшая комната с некрашенным полом, сводчатым потолком и толстыми каменными стенами. Прежде здесь была кладовая, и на потолке до сих пор еще висят толстые железные кольца, на которых вешали окорока, а впоследствии Л. Н. делал гимнастические упражнения“.

В этой комнате в семидесятых и 80-х годах был кабинет Л. Н. Здесь же 9 ноября 1910 года лежало в гробу тело Л. Н.

В этой комнате художник Репин написал портрет Л. Н. за работой. В воспоминаниях скульптора И. Я. Гинцбурга рассказывается о том, как

писался этот портрет ¹⁾). Гиндбург приехал в Ясную Поляну в 1891 году лепить бюст Л. Н., получив от него согласие позировать.

„Уехал я в Ясную Поляну—пишет Гиндбург—не совсем здоровый, притом я был очень напуган предстоящей работой. Мне известно было, что Л. Н. не любит позировать, и что с большим трудом удалось известному портретисту Крамскому сделать его портрет . . .

С тяжелым чувством я приехал в Ясную Поляну . . . На большом стеклянном балконе не было никого, кроме гувернантки-англичанки, разливавшей чай. Я заметил в углу балкона завернутый бюст и обрадовался, что, кроме меня, кто-то еще работает здесь.

Вошел Л. Н. Он подошел ко мне близко, точно наступая на меня, и, подав мне руку, сказал:

—Вы—Гиндбург, вас ожидали вчера еще.

Я оробел, не знал, что сказать; тогда Л. Н., посмотрев на меня пристально своими пронизательными глазами, мягким голосом прибавил:

—А глину для работы вы привезли?

Мне показалось, что он сказал это нарочно, желая вывести меня из смущения, которое, конечно, не ускользнуло от него.

—Привез, но небольшой кусок,—ответил я весело, почувствовав его доброе, сердечное отношение. Мне сделалось легко, точно камень который всю дорогу меня давил, разом свалился. Я показал Л. Н. кусок глины.

—Мало, мало—этого не хватит. Впрочем, я знаю в поле одно место, где прекрасная глина; после обеда я вас свезу туда, и мы накопаем много глины, а пока отдохните, наливайте себе сами кофе или чай, что хотите,—сказал Л. Н., торопливо

¹⁾ И. Я. Гиндбург. Как я работал в Ясной Поляне. В „Сборнике воспоминаний о Толстом“. М. 1911.

допивая свой кофе, стоя у стола. Задав мне еще несколько вопросов, Л. Н. удалился.

Пришел И. Е. Репин, и я очень обрадовался, увидав старого хорошего знакомого. Он показал мне начатый бюст Л. Н., который он работает по вечерам.

—А вот сейчас я пойду писать Л. Н. в его рабочей комнате, пойдемте вместе. Вы начнете статуэтку его, хотите?

—Я устал с дороги и голова болит,—пробовал я отказываться.

—Смотрите, не откладывайте. Вы знаете, где мы теперь находимся? Ведь мы на четвертом бастионе.

Я послушался И. Е. и пошел за ним.

Л. Н. уже сидел в своей комнате у окна и писал. Меня поразила обстановка, среди которой работал Л. Н. Старинный подвал напоминал средневековую келью схимника. Сводчатый потолок, железные решетки в окнах, старинная мебель, кольца на потолке, коса, пила,—все это имело какой-то таинственный вид. Сам Л. Н., в белой блузе сидел, поджав ногу, на низеньком ящике, покрытом ковриком, напоминая какого-то сказочного волшебника. Он удивленно на нас посмотрел, когда мы вошли, и сказал:

—Работать пришли? Прекрасно. Так ли я сижу?

Стали мы устраиваться. Я уселся возле И. Е., который уже кончал свою работу. Меня восхитила эта работа: обстановка комнаты, свет, падающий из окна, и фигура Л. Н. написаны с удивительной правдивостью и художественностью (картина эта находится в Третьяковской галлерее).

Признаться, мне очень трудно было работать, боязнь сделать шум заставляла меня сидеть на одном месте и не шевелиться, а между тем, для круглой статуэтки необходимо двигаться и наблюдать натуру с разных сторон. Мне казалось,

что наше присутствие стесняет Л. Н.; временами, бывало, Л. Н. отрывался от работы: он вопросительно на нас смотрел, вероятно забывая, почему мы возле него сидим.

— Я вам мешаю?—говорил он, увидав наши работы.

— Ох нет,—отвечал И. Е.,—это мы вам мешаем.

— Нет,—отвечал Л. Н.,—только я забываю, что вы меня пишете, и оттого, кажется, меняю позу, у меня такое чувство, точно меня стригут...

Несмотря на все неудобства, я, однако, успел в первый сеанс кое-что сделать... Работал я одновременно с И. Е., у которого бюст был уже значительно подвинут в работе. Сеансы происходили на большом балконе, днем, после обеда. Я начал очень большой бюст; размер бюста всех смущал: находили, что это некрасиво, но И. Е. сказал мне:

— Ничего не меняйте, размер прекрасный, надо, чтобы остался большой бюст Л. Н.

Во время сеансов кто-нибудь из домашних читал вслух, помню, что читалась тогда биография Спинозы, и Л. Н. с особенным интересом слушал и делал замечания, а когда потом читали „Тружеников моря“ Виктора Гюго, то Л. Н. расплакался.

Иногда на балконе собирались гости, и велись разговоры и споры. С особенным интересом все следили за ходом наших работ, сравнивали их. Центром всего, конечно, был Л. Н. Таким образом, мы два раза в день работали: утром в кабинете, а днем на балконе. Бывало, что Л. Н. уставал, и С. А. жаловалась на нас.

— Левушка, тебя, кажется, художники замучат,—говорила она ему,—ты от них очень устал.

Признаться, мы действительно преследовали тогда Л. Н. и, кроме сеансов, всюду его наблюдали; он это замечал, и это стесняло его. В осо-

бенности много занимался им Репин: он везде его зачерчивал.

Л. Н. писал тогда „Царствие божие внутри нас“ и в разговорах он все касался тех вопросов, которые излагал в этом сочинении. Но бывало, что со мною он говорил об искусстве. В особенности мне памятен один разговор во время гулянья.

— Вы меня извините,—сказал Л. Н.,—вот вы скульптор, а я скульпторов не люблю и не люблю их потому, что они принесли много вреда искусству и людям. Они занимаются тем, что вредно. Они наставили во всей Европе памятники, хвалебные монументы людям, которые были недостойны и вредны человечеству. Все эти полководцы, военачальники, правители и др. только одно зло делали народу, а скульпторы их воспевали, как благодетелей. Но главная неправда та, что, увековечивая их, скульпторы представляли многих из них не в том виде, в каком они на самом деле были. Людей слабых, выродившихся и трусливых они представляли всегда героями, сильными и великими; человека малого роста, рахитичного они представляли великаном с выпяченною грудью—все это ложь и неправда. Скульпторы находились на жалованьи у сильных мира сего и угождали им. Такого позора в такой степени мы не видим ни в одном искусстве.

Однако, на наших сеансах, заметил я, Л. Н. увлекался скульптурою: он очень внимательно следил за ходом наших работ и часто делал замечания. „Кажется, очень хорошо“, часто говорил он после сеанса. А раз во время какого-то чтения Л. Н. попросил у меня воск и, глядя на меня, вылепил мой бюстик. Меня поразило, что он верно и характерно схватил общую форму моей головы“.

Гипсовые статуэтки Л. Н. работы Гинцбурга находятся в гостиной. Здесь же висит ряд старых

портретов—предки и родственники Толстого, большой портрет Софьи Андреевны с младшей дочерью на руках, написанный худ. Н. Н. Ге в 1886 году. В гостиной же, среди прочей старой мебели, стоит небольшое бюро, за которым Софья Андреевна в течение нескольких лет ежедневно переписывала черновые рукописи Л. Н. Весь роман „Война и Мир“ был переписан ею с черновых листков не менее семи раз. Работа Л. Н. требовала постоянных поправок и новой переписки. Так что работа, сделанная С. А. громадна,—подсчитать все эти переписки и поправки невозможно. На нее самое эта переписка действовала возвышающим душу образом. Вот что она писала об этом Л. Н.:

... А нравственно меня с некоторого времени очень поднимает твой роман. Как только сяду переписывать, унесусь в какой-то поэтический мир¹⁾).

Позднее рукописи переписывались на пишущей машине дочерью Л. Н. и его секретарем (Н. Н. Гусев, потом В. Ф. Булгаков). Комнату, где стояла пишущая машина, Л. Н. в шутку называл „канцелярией“. Здесь разбирали ежедневную почту, приходившую в Ясную Поляну и отвечали по поручению Л. Н. на письма; ответы на более значительные письма писал он сам.

Канцелярия называлась и библиотекой, так как в ней стоит несколько книжных шкапов. В них, конечно, помещена не вся огромная яснополянская библиотека; она распределена в нескольких местах по дому.

„Канцелярия“ и смежная с ней комната служат проходом в спальню и кабинет Л. Н.

Кабинет Льва Николаевича сохранился в том же виде, в каком был в день его ухода из Ясной Поляны. В нем стоит большой кожаный диван

1) Биография Л. Н., написанная П. Бирюковым.

старинного фасона, занимающий всю стену от угла до двери, ведущей в спальню. На этом диване Л. Н. родился в 1828 году. Он любил на нем отдыхать, особенно, когда ему нездоровилось. Недалеко от дивана стоит письменный стол, самого простого типа, березовый, крашенный под орех, с



Кабинет Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

двумя ящиками, зеленое сукно на нем потерто. На столе—простые, старинные письменные принадлежности и несколько справочных книг. Интересно пресс-папье глыба из зеленого стекла. Это подарок служащих и рабочих брянского Мальцевского завода, присланный Л. Н. вскоре после синодского указа об отлучении его от церкви. На глыбе золотыми буквами сделана следующая надпись: „Вы

разделили участь многих русских людей, „глубоко-чтимый Лев Николаевич, идущих впереди своего века. И прежде их сжигали на кострах, гноили в тюрьмах, ссылках. Пусть отлучают вас, как хотят и от чего хотят, фарисеи и первосвященники. Русские люди всегда будут гордиться, считая вас, своим, дорогим, любимым“. Затем следуют подписи. Перед столом, как и в московском доме, стоит низенький стульчик.

У стены, противоположной дивану,—круглый стол и около него два кресла. За письменным столом Л. Н. сидел по утрам, когда писал свои большие литературные работы, а в углу на кресле—вечером, читая письма, книги, или беседуя с посетителями. На этом столе перед креслом, уходя из Ясной Поляны, он оставил раскрытый том „Братьев Карамазовых“.

Сбоку у письменного стола стоит вертящаяся этажерка с книгами, которые требовались Л. Н. во время работы. На стене над письменным столом устроена книжная полка, заставленная энциклопедическим словарем Брокгауза и целым рядом сочинений мудрецов всех времен и народов. Тут Конфуций, Лаодзе, коран Магомета, евангелие Будды, дневник Амиеля, Платон, мистики и другие мыслители—материал для работы над „Кругом чтения“. На книжных полках за дверью стоят книжки и брошюры собственных произведений Л. Н., которые он давал своим посетителям. На стенах висят портреты: близких родных; портрет американского аграрного социалиста Генри Джорджа, идеи которого о национализации земли и о едином земельном налоге разделял и распространял Л. Н.; Шопенгауэра и Н. Н. Страхова; сотрудников журнала „Современник“—Фет, Некрасов, Тургенев и др.; большой портрет Ллойда Гарриссона, американского мыслителя, за 50 лет до Толстого проповедывавшего в Америке идею непротравления

злу насиллием; портрет В. К. Сютаева; американского писателя Эрнеста Кросби, единомышленника Л. Н. и портрет любимого Л. Н. английского писателя Диккенса; большая гравюра сикстинской мадонны Рафаэля и снимки с картин Н. В. Орлова из крестьянской жизни. Л. Н. особенно ценил эти скромные произведения русского художника-народника, изображавшего самые важные моменты крестьянской жизни. Рядом с книжной полкой, на консоли, стоит небольшой бюст старшего любимого брата Николая Николаевича.

Одну из стен занимает большое венецианское окно со стеклянной дверью, выходящей на балкон, в сад, на южную сторону.

Точно так же и обстановка в спальне Л. Н. бережно сохраняется в том самом виде, как все было в ночь его ухода из Ясной Поляны. Обстановка самая обычная, удобная, но простая: кровать, умывальник, шкафики для белья и платья, столики. Л. Н. не любил новой мебели; старые вещи были ему дороги по воспоминаниям; тумбочка у кровати и один из шкафиков принадлежали Т. А. Ергольской, его воспитательнице, которую он очень любил. Умывальник, кресла и шифоньерка красного дерева принадлежали его отцу.

В комнате—на тумбочке на столах, в шкафах—множество мелких предметов, ежедневно употреблявшихся Л. Н.: седло, складной стул для прогулок, мелкие туалетные принадлежности, остатки лекарств. Подробная опись всего находившегося в спальне была сделана доктором Маковичким тотчас же после смерти Л. Н.

На стенах в спальне висят портреты близких родных Л. Н.:—отца, Софьи Андреевны (на одной фотографии—невестой, на другой—в 80-х годах), дочерей Татьяны Львовны (больная в постели, худ. Игумновой), Марьи Львовны—портрет работы Т. Л. Толстой.

Яснополянская библиотека занимает 22 больших книжных шкафа, которые находятся в нескольких, комнатах дома; в ней 14.000 томов. После смерти Л. Н. библиотека была систематически описана В. Н. Булгаковым. Издание этого описания даст много ценного материала для освещения творчества Л. Н. ¹⁾.

Собирать библиотеку начал отец Л. Н. Книги, им собранные, состояли из французских классиков и естественно-исторических сочинений XVII и XVIII вв. в числе их, между прочим, находятся и пять больших томов „Истории путешествий“ с красными сафьяновыми корешками о которых упоминается в „Детстве и Отрочестве“. Главным же образом библиотека пополнилась за последние 50 лет, когда Л. Н. приобретал книги в связи со своими работами. Видную часть библиотеки составляют авторские подношения и многочисленные переводы сочинений Л. Н. на иностранные языки (подношения переводчиков). По каталогу книги распределяются на следующие отделы: религия и философия (около 2.000 книг), литература и критика (3.000), история и биографии (1.000), естественные науки, география и путешествия (600), педагогика и детские книги (800), экономические и юридические (600), медицина и смесь (800), периодические издания (около 6.000).

Чтение Л. Н. было очень разнообразно, как был широк и разнообразен круг его интересов ²⁾. Особую группу библиотеки образуют книги, которыми пользовался Л. Н. при работе над своими художественными произведениями, как, например „Война и Мир“, „Декабристы“, „Хаджи Мурат“

¹⁾ Отчет по описанию библиотеки Л. Н. Толстого. „Толстовский Ежегодник“ 1913 г. А. Е. Грузинский. Яснополянская библиотека. „Толстовский Ежегодник“ 1912 г.

²⁾ Интересен список книг, которые произвели на Л. Н. сильное впечатление. См. полную биографию П. Бирюкова.

и др.; книги, связанные с работой над „Кругом чтения“, с трактатом „Об искусстве“. Многие из книг хранят пометки Л. Н. (Всего в библиотеке книг с пометками Л. Н. около 300). Книги, читанные Л. Н. с карандашом в руках очень разнообразны. Среди них и религиозные трактаты и богословские сочинения, и философия, и беллетристика, и английская работа по физике, содержащая ряд заметок Л. Н. специально-научного характера. Особенно часты отметки в книгах исторических, посвященных тем эпохам, которых Л. Н. касался в своем творчестве. Так испещрены заметками 28 томов „Истории России“ С. М. Соловьева, повидимому, отсюда Л. Н. черпал материалы для задуманного романа из эпохи Петра I. Интересно среди исторических книг сочинение Карла Лобрейха фон Плуменека „Влияние истинного свободного каменщичество во всеобщее благо государств“, изд. в 1816 г.; по этой редкой книге Л. Н. изучал масонство во время работы над „Войной и Миром“¹⁾. Следует заметить, что до средних лет Л. Н. не имел привычки делать в книгах отметки, и обычай этот появился у него не ранее 60-х годов, когда он начал собирать материалы для „Войны и Мира“. На многих книгах Л. Н. делал пометки, — содержащие оценку и выражающие впечатление, условными буквами, отдельными словами и баллами от нуля до пятерки.

¹⁾ Книги по масонству, кроме того, Л. Н. читал в библиотеке Румянцевского музея в Москве.

Похороны Л. Н. Толстого.

Место могилы было определено самим Л. Н. (см. рассказ о „муравейных братьях“). Согласно желанию Л. Н. на могиле нет никаких сооружений и украшений. Она обнесена простой деревянной решеткой, внутри которой растут старые дубы и липы.

Приводим описание похорон Л. Н., сделанное одним из многочисленных очевидцев ¹⁾.

„В Москве, по получении известия о смерти Толстого было выпущено воззвание к обществу и образован комитет для организации похорон. Москва хлынула в Ясную Поляну, для того, чтобы отдать последний долг величайшему человеку. Но попасть туда было довольно трудно, все поезда были переполнены. Стали отправляться на автомобилях.

Тульское шоссе представляло невиданное зрелище: десятки автомобилей неслись один за другим, мимо сел и деревень, нарушая гудками ночную деревенскую тишину. По шоссе двигались в экипажах и пешком крестьяне, рабочие, учащиеся, горожане...

У станции Засека крестьяне соседних деревень расположились табором и провели всю ночь в ожидании прибытия гроба.

Раннее туманное утро. Толпы народа. Взоры всех обращены в ту сторону откуда должен притти поезд с дорогим прахом. Отдаленный гудок локомотива печальным эхом отозвался в Яснополянских холмах. Наступила тишина.. Поезд медленно подходил среди живой стены, благоговейно склонившейся... Полилось тихое, стройное пение— „Вечная память“... Простой, желтый под дуб гроб

¹⁾ И. И. Попов. В Ясной Поляне. Сборник „Дорогие места“ М. 1916.

вынесли из вагона сыновья покойного, и процессия двинулась в Ясную Поляну той дорогой, по которой часто хаживал Л. Н.

Вся дорога, почти 4 версты, была устлана ельником, нарубленным за ночь яснополянскими крестьянами. Печальную процессию открывали крестьянские подводы с венками и ельником. За подводами крестьяне несли большой белый плакат с надписью: „Лев Николаевич, память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны“.

Процессия растянулась на длинное расстояние и медленно, при пении двух многочисленных хоров подвигалась к Ясной Поляне. С шоссе свернули на проселок и подошли к воротам усадьбы. Всюду толпы народа—и у ворот и у пруда, и по аллеям парка. Гроб с прахом мимо „дерева бедных“ был внесен в дом.

Началось прощание. Ни толкотни, ни сетований, ни шума. Первыми прошли к гробу крестьяне и возложили свои венки, на одном из которых надпись: „Незабвенному советнику и заступнику в наших нуждах, великому учителю Льву Николаевичу Толстому“. За крестьянами пошли депутаты и остальные массы пришедших. Прощание продолжалось в течение 3-х часов. Толпы народа осматривали усадьбу. Несколько раз выводили лошадь, на которой ездил Л. Н.

Многие устремились к могиле, расположенной в полуверсте от яснополянского дома, на кургане-пригорке, окруженном лесом. Могилу вырыли крестьяне в течение ночи на вершине кургана. Работа была тяжелая. Пришлось рубить корни деревьев.

Прощание закончилось. Венки несут крестьяне и студенты. Гроб выносят сыновья и ближайшие друзья покойного. Головы обнажены, многие стоят на коленях. Над яснополянском парком несутся

скорбные звуки „Вечная память“. Нет рыданий, даже не видно слез, настроение у всех скорбно-строгое. Минута торжественная. Процессия медленно движется среди фруктового сада, старых берез и лип; стройное пение двух хоров сопровождает шествие. Но вот и могила. Наступила мертвая тишина. По толпе проносится шопот: „На колени“. Все до единого человека стали на колени и гроб тихо опустили в могилу. Опять „Вечная память“. Теперь пели все; могучие, тоскующие звуки наполнили окрестность, разнеслись по холмам и замерли среди леса. Первый комок земли ударил о крышку гроба. Снова все стали на колени, затем спета „Вечная память“, и опять—тишина. Над гробом образовался холм. В третий раз толпа опустилась на колени, и на этот раз стояла особенно долго. Речей не было. Это—общее желание, так как не было слов и выражений, чтобы они могли выразить всю тяжесть мировой утраты.

Сумерки спустились, и мы тихо оставили дорогу могилу. Нам навстречу шли новые паломники, опоздавшие к погребению“.

День Л. Н. Толстого ¹⁾.

Л. Н. просыпался рано, часов в 7—7¹/₂ утра и часов в 8 уже выходил из дома на свою обычную утреннюю прогулку, с желтой складной тростью-стулом в руках. Прогулка Л. Н., которую он совершал один и во время которой, как он сам говорил, „молился“, продолжалась от одного часа до двух. Л. Н. шел по усадьбе и гулял в поле,

¹⁾ Из воспоминаний В. Ф. Булгакова „Толстовский Ежегодник“ 1913 г. (Здесь перепечатано с небольшими сокращениями).

в лесу. С крестьянами и прохожими, встречавшимися ему на пути, он часто вступал в разговоры, которые после и передавал за завтраком или за вечерним чаем домашним и гостям.

Ко времени возвращения Л. Н. с прогулки, его уже непременно поджидал кто-нибудь у крыльца дома. Или босяки и безработные прохожие чтобы попросить милостыню или „книжечку почитать“, или крестьяне-погорельцы из окрестных деревень за денежной помощью, или тяжущиеся мужики и бабы за юридическим советом, или разного рода городские люди, из Тулы, из Москвы, с подобными же целями, или же, наконец, люди, жаждущие поговорить с ним о вопросах не материальных, духовных. Л. Н. бывал очень рад желавшим побеседовать с ним, особенно, если встречал не легкомыслие и пустое любопытство, а истинную душевную пытливость и серьезную внутреннюю потребность обменяться с ним мыслями или получить совет по тому или другому вопросу, выдвинутому жизнью.

Оставив внизу, в передней, шляпу и трость, Л. Н. подымался по скрипучей лестнице и шел в кабинет заниматься. По дороге заходил в зал-столовую, где здоровался с теми из домашних, кто успел уже встать и сидел за самоваром; крепко пожимал всем руки, целовал дочерей и, мимоходом выслушав какую-нибудь „сенсационную“ газетную новость, уходил к себе, иронически улыбувшись или покачав головой. На кругленьком столике около большого углового старого кресла, на которое он садился, уже лежала к этому времени почта. Л. Н. брал маленький серебрянный ножичек для разрезывания бумаги, отцовский, и начиная вскрывать конверты.

Илья Васильевич, старый слуга Толстых, прослуживший в доме уже лет 18, приносил на подносике кофе, кипяченое молоко, сухари и хлеб.

Л. Н. тотчас же отвечал на письма, как только их прочитывал. Правда, отвечал он не на все: некоторые оставлял совсем без ответа, на некоторые поручал ответить младшей дочери, или секретарю.

Прочитав письма и ответив на некоторые из них, Л. Н. принимался за свои литературные работы и занимался ими до двух часов дня. Повидимому, он иногда отрывался от работы, чтобы отдохнуть, но не на долго. Все домашние знали его старую привычку—в минуты отдыха от напряженной головной работы раскладывать на картах пасьянс. Бывало, отворишь дверь в кабинет—Л. Н. в халате и шапочке сидит с колодой карт в руках за особым маленьким желтым столиком около полочки с портретом родных и друзей, и на столике разложены правильными рядами карты.

В час дня завтракали домашние. Часа в два, вскоре по окончании общего завтрака, входил в столовую Л. Н., словоохотливый, оживленный, с видом успешного что-то, сделать, поработать и довольного этим человека. Илья Васильевич приносил подогревавшуюся к этому времени овсянку и маленький горшочек с простоквашей—каждый день одно и то же.

После завтрака Л. Н., в сопровождении кого-нибудь из домашних или гостей ехал кататься верхом. Он очень любил верховую езду, и считал ее лучшим и наиболее приятным способом передвижения и потому только в крайних случаях отказывался от верховой прогулки после завтрака. Если шел дождь, Л. Н. надевал непромокаемое пальто, но все-таки ехал; если была гололедица, он ехал шагом осторожно, но ехал, то же самое во время легкого недомогания: он мог ехать тихо, мог поехать недалеко, но совсем отказаться от поездки ему было уже трудно. Но, когда Л. Н. показалось, что его ежедневные выезды на сытой

лошади, на глазах у бедняков—крестьян и прохожих босяков, могут дурно, раздражающе действовать на них, и он почувствовал, что совесть его страдает от сознания неравенства положений его и этих бедняков, он велел расковать любимого Делира и пустить в табун. Верховые поездки прекратились.

Самые поездки были очень характерны для Л. Н. Вот программа всех его верховых прогулок, от которой он отступал очень редко: выехать по дороге, скоро свернуть с нее в лес или в поле, в лесу пробираться по самым глухим тропинкам, переезжать рвы и заехать таким образом очень далеко, затем заблудиться и, наконец, тогда искать дороги в Ясную, спрашивая об этом у встречных, плутать, приехать утомленным.

Поездки его продолжались часа два и больше. Вернувшись, Л. Н. ложился отдохнуть до обеда.

В 6 час. подавался обед. Л. Н. приходил с маленьким опозданием ко второму, к третьему блюду.

Обед в Ясной Поляне готовился для всех вегетарианский. Он состоял из четырех блюд, и кроме того, кофе. За столом во время обеда служили двое слуг. Для Л. Н. это было источником постоянных угрызений совести. Лакеи в белых нитяных перчатках каждодневно воскрешали в нем сознание несоответствия его жизни с задушевым стремлением его к равному, братскому общению со всеми людьми.

Однажды за обедом Л. Н. наклонился к сидевшему рядом гостю, другу семьи, и шопотом, чтобы не смущать других, произнес:

— Я думаю, через 50 лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди прислуживали им, подавали и готовили кушанья.

После обеда, если находился партнер, Л. Н. садился сыграть партию в шахматы.

До вечернего чая Л. Н. снова занимался часа полтора, чаще что-нибудь читал, русское или присланное из-за границы.

Весь остальной вечер Л. Н. отдавал беседе в домашнем кругу. Затрогивались разные темы: религиозное движение, вновь полученные интересные письма, литература, события дня.

Иногда серьезный разговор сменялся веселыми шутками, музыкой или даже граммофоном.

Вообще Л. Н. не долюбивал граммофон. Но у него были любимые пластинки. Он, например, не мог равнодушно слушать гопака на балалайке в исполнении Трояновского.

—Плясать хочется!—воскликнул он однажды, слушая гопака. При этом, сидя за шахматным столиком и не переставая следить за ходом игры, принялся так сильно пристукивать ногами и прихлопывать в ладоши, что шум пошел по залу.

Л. Н. любил музыку больше всех других искусств. В Ясной он чаще всего слушал рояль. Эта музыка всегда вызывала у него слезы и восторженное, умиленное состояние души.

Один раз, долго слушая Шопена, он воскликнул:

— Я должен сказать, что вся эта цивилизация, — пусть она исчезнет к чертовой матери, но—музыку жалко!..

После вечернего чая Л. Н. обходил всех присутствовавших, целовал жену, дочерей, крепко пожимал руки остальным и, сгорбившись, обесилевший за день, шел к себе в спальню.

Перед тем, как лечь спать, он, почти всегда, доставал клеенчатую тетрадь дневника, раскрывал ее и в коротких, но сильных фразах передавал бумаге впечатления дня.

После экскурсии.

По окончании экскурсии необходима проработка виденного. Значение проработки—восстановить в памяти экскурсантов весь ход экскурсии. Проработка разъясняет и освещает все виденное, дополняет и углубляет отдельные вопросы, затронутые экскурсией, дает материал для практических занятий.

Не давая здесь подробных методических указаний по проработке экскурсий, ограничиваемся несколькими краткими замечаниями ¹⁾.

Проработка прежде всего может выразиться в виде докладов экскурсантов о совершенной экскурсии. В клубе окончание экскурсии может завершиться устройством литературного вечера или утра, посвященного Толстому. Программа вечера легко и естественно составит из того материала, который даст проработка экскурсии это будет: чтение произведений Толстого, инсценировки, доклады о толстовских местах, рефераты о творчестве Толстого.

Темы для докладов следует брать не „книжные“, а в связи с конкретным, зрительным материалом экскурсий. Это вызовет в авторах живой интерес к работе, пробудит в них подлинное творчество. Так, например, для доклада на тему—Вымысел и действительность в повести „Детство“—следует пользоваться не только книжным материалом (повесть и воспоминания Толстого), но и своими впечатлениями от посещения музея и Ясной Поляны. Другая тема:—Детство Толстого—в своей разработке еще более тесно сольется с впечатлениями экскурсантов, с их личными наблюдениями.

Кроме названных, темами рефератов в связи с экскурсиями, могут быть, примерно, следующие:

1. Чувство природы у Толстого.
2. Дом Толстого в Москве (подробное описание. Его обитатели. Быт. День в доме).
3. День Толстого в Ясной Поляне.
4. Ясная Поляна—Лысье горы в „Войне и Мире“.
5. Толстой по рассказам крестьян. (Воспоминания, записанные экскурсантами во время посещения дер. Ясной Поляны и окрестностей).

Толстой в живописи и в скульптуре (по материалам Тол-

¹⁾ По методике экскурсий см: Райков, Б. Е. Методика и техника ведения экскурсий М., 1922. Экскурсионный метод в просветительной работе. Сост. Д. Н. Ангерт и Б. Е. Райков. (Приведена краткая библиография). М. 1922. Плотников И. Школьные литературные экскурсии. „Народное Просвещение“, 1922, № 3—4. Изд. Курского губ. наробразга Габо В. О литературно—эстетических экскурсиях. „Родной язык в школе“. 1917. № 3. (Перепечатано в сборнике „Изучение литературы в школе“. Под. ред. А. М. Лебедева. М. 1923). Журнал „Экскурсионное дело“ за 1921, 1922 г. г.

стовского музея). 7. Толстой в Астапове. 8. Смерть и похороны Толстого.

Устройство Толстовской выставки точно так же входит в проработку экскурсии ¹⁾. Выставка, разумеется, потребует не мало труда и времени, и если устройство ее явится невозможным, то вполне осуществим альбом рисунков: портреты Толстого, иллюстрации к его произведениям и т. д. Альбом этот можно составить без особенного труда и затрат. Материал для него в изобилии дадут старые иллюстрированные журналы. А подробное описание такого альбома будет своего рода рефератом.

Экскурсия, кроме того, дает и темы для работ ручного труда. Пусть будет сделана модель Яснополянского дома, хотя бы самым скромным образом, по образку имеющейся в Толстовском музее, или (это более сложно)—макет комнаты в Астапове.

¹⁾ Об устройстве Толстовской выставки см.: М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе. М. 1922 г.

Краткая библиография.

1. Библиография.

- И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX—XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. 3 изд. М., 1918.
- И. И. Гусев. Что читать Толстого и о Толстом. М., 1919.

2. Биографические материалы.

- Л. Н. Толстой. Воспоминания. (В собр. соч. изд. Сытина—т. I); Письма (в изд. Сытина—т. XIX). Дневник молодости Л. Н. Толстого. Под редакцией В. Г. Черткова. т. I. 1847—1852. М., 1917. Дневник Л. Н. Толстого. т. I. (1895—1899) под ред. В. Г. Черткова. М. 1916. Исповедь.
- П. Бирюков. Л. Н. Толстой. (Биография) т. I—II. Изд. „Посредник“. М., 1911 и 1908; т. I—II. Изд. Госиздата. т. I—IV. 1922; Л. Н. Толстой. (Краткий биограф. очерк.) М., 1912.
- И. И. Гусев. Жизнь и учение Льва Толстого. М., 1920.
- Е. Соловьев (Андреевич), Л. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность. (Биограф. библиотека Павленкова). Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. (А. Пругавин, Н. Давыдов, Н. Тимковский, И. Гинцбург, А. Хирьяков, И. Пархоменко и др.) Изд. „Златоцвет“. М., 1911.
- Л. Н. Толстой. Сборник т-ва „Образование“ (В Калаш. „Слон русской литературы“.—П. Бирюков. Краткая биограф. Л. Н.—Н. Тимковский. О Толстом.—П. Сергеенко. Толстой и его современники.—В. Лазурский, Толстой и Страхов).
- В. Булгаков. У Толстого в последний год его жизни. М., 1911
- И. Гусев. Два года с Толстым. Записки бывш. секретаря. М., 1912.
- Т. Л. Сухотина. Друзья и гости Ясной Поляны. М. 1922.
- Д. Мановицкий. Яснополянские записки (1904—1910). М. 1922.
- В. Чертков. Уход Толстого. М., 1922.
- А. Е. Грузинский. Ясная Поляна. Гос. Изд. М., 1922.
- П. Сергеенко. Как живет и работает Л. Н. Толстой М., 1898.
- А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. 2 тома. М., 1922—23.

3. Критика и общий обзор творчества.

- В. Зелинский. Русская критическая литература о произведениях Толстого. Хронологич. сборник критич. статей в 8 частей.
- Д. Овсяннико-Куликовский. Толстой как художник. Сиб. 1905 г.
- В. Вересаев. Живая жизнь. О Достоевском и Толстом. М. 1911.
- Р. Иванов-Разумнин. Л. Толстой. „История русск. лит. XIX в.“ Изд. „Мир“, т. II.
- П. С. Коган. Очерки по ист. нов. русской литературы. т. I. М., 1922, Гос. Изд.
- С. Венгоров. Очерки по ист. русск. литературы. Сиб. 1907.
- Война и Мир. Сборник под. ред. Полнера и Обнинского М., 1912. (История работы Л. Н. Т. над романом „Война и мир“.—Источники романа,—Философия истории Л. Н. Т.—Война и мир в учении Л. Н. Т.).
- Л. Аксельрод-Ортодокс. Л. Толстой. М. 1922. Гос. Изд.
- Н. А. Зверский. Толстой о смысле жизни. М., 1913.
- М. С. Громова. Последние произведения Л. Н. Толстого. М. 1914.
- Э. Кросби. Толстой и его жизнепонимание. М. 1911.
- Его же. Толстой как школьный учитель. М. 1911.

С этой целью каждый выпуск „Библиотеки“, после вступительного очерка, ориентирующего читателя в предлагаемом ему материале, дает краткую биографическую канву.

Центральное место в каждом выпуске занимают выдержки из воспоминаний современников и подбор важнейших писем, возможно тщательно комментированных и наиболее характерных для отдельного писателя или целого литературного направления. Этого рода материалы крайне важны также для понимания социальных условий, влиявших на формирование творческой индивидуальности писателя.

Здесь помощь „Историко-литературной библиотеки“ должна явиться наиболее существенной, избавляя читателя от большого, громоздкого труда, так как мемуарная литература рассеяна в большинстве случаев по журналам, газетам и сборникам, почти недоступным рядовому читателю, а письма иногда отделены от доступных собраний сочинений писателя (например, письма Гоголя), многотомны (те же письма Гоголя, письма Пушкина в лучшем, академическом издании), а для некоторых писателей, например (Островского, Гончарова), и не собраны воедино.

Для лиц, желающих продолжить свое ознакомление с писателем, в конце каждого выпуска даются библиографические указания, не претендующие на полноту, но заключающие в себе все существенное.

В этом отделе даются указания и на критическую литературу, вследствие чего выдержки из нее давы лишь в некоторых выпусках и в очень ограниченном количестве, притом исключительно в тех случаях, когда соответствующий материал с трудом доступен рядовому читателю или непосредственным образом необходим для освещения материала, имеющегося в других отделах выпуска.

Точно так же не велик измерившийся в некоторых выпусках отдел произведений того или другого писателя. „Историко-литературная библиотека“ предполагает у своих читателей самостоятельное знакомство с произведениями изучаемого писателя, и если в некоторых случаях дает произведения писателей, то почти исключительно такие, которые не входят в собрания их сочинений, а между тем важны для более полного освещения их творчества.

В СОСТАВ БИБЛИОТЕКИ ВХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ:

1. Мендельсон, Н. И.—Островский, А. Н. в воспоминаниях современников и его письмах. Ц. 1 р. 70 к.
2. Шувалов, С. В.—Лермонтов, М. Ю. Ц. 1 р. 30 к.
3. Львов-Рогачевский, В. Л.—Чехов, А. П. Ц. 1 р. 70 к.
4. Чехихин-Ветринский, В. Е.—Достоевский, Ф. М. ч. I, ц. 2 р.
5. Его же—Достоевский, Ф. М. ч. II, ц. 2 р.
6. Бродский, Н. Л.—Тургенев, И. С. ч. I, (печатается).
7. Его же—Тургенев, И. С. ч. II, (печатается).
8. Ашукин, Н. С.—Блок, А. А. (печатается).
9. Каллаш В. В.—Гоголь, Н. В. (печатается).

157

Издательство Т-ва „В. В. Думнов, нася. бр. Салаевых“

191-200
0-50

СЕРИЯ СБОРНИКОВ

ПО УСТРОЙСТВУ ШКОЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.

«До»

Серия сборников по устройству школьных праздников имеет своей задачей—притти на помощь школе в организации школьных праздников на темы, выдвигаемые жизнью самой школы, а также темы литературного характера. Каждый сборник намечает не только программу того или другого праздника и литературу вопроса, но дает разнообразный материал для выбора организаторов, соответственно возрасту учащихся и условиям школьной жизни. Наряду с материалами для декламации сольной и коллективной, предлагаются инсценировки, темы для них, для показательных судов, для ученических докладов, проект соответствующих выставок, организация устной газете номера для вокального исполнения с приложением нотных знаков, детские игры и т. п. Сборники материалов освобождают учителя от необходимости обращаться к первоисточникам и дают возможность богато и всесторонне выявить ту или другую тему.

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ СБОРНИКИ:

Устинов, И. и Мурзаев, В.—„1-е мая в школе“ 84 стр. Ц. 60 к.

Поляков, В. и Мурзаев, В.—„Праздник весны в школе“ 104 стр. Ц. 60 к.

Лебедев, А. и Пашков, Н.—„На пороге жизни“ 144 стр. Ц. 80 к.

Устинов, И. и Крылов, В.—„Праздник Октябрьской революции в школе“ 144 стр. Ц. 90 к.

Долинский, С. и Луговской, В.—„9-е января и день Пролетарской коммуны в школе“. Ц. 90 к.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Толстовский музей в Москве	5
Дом Л. Н. Толстого в Москве	25
Ясная Поляна.	33
Похороны Л. Н. Толстого.	50
День Л. Н. Толстого	52
После экскурсии	57
Краткая библиография	59

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

под редакцией:

Ашукнина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- ВЫП. I. Лев Толстой. Литературные экскурсии: Толстовский музей в Москве.—Дом Л. Н. Толстого в Москве.—Ясная Поляна. *Сост. Н. С. Ашукнин.*
- ВЫП. II. А. П. Чехов. Литературная экскурсия в Чеховский музей в Москве. *Сост. Ю. В. Соболев.*
- ВЫП. III. По Грибоедовской Москве. Культурно-историч. экскурсии. *Сост. Н. С. Ашукнин.*
- ВЫП. IV. И. С. Тургенев. Литературные экскурсии в Тургеневский музей в Орле.—Спасское-Лутовиново. *Сост. М. В. Португалов.*
- ВЫП. V. Т. Г. Шевченко. Литературные экскурсии: На родине Шевченко.—Могила Шевченко.—Музеи. *Сост. И. А. Белоусов.*

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- ВЫП. VI. Пушкинские места в Москве и ее окрестностях. *Сост. Н. С. Ашукнин.*
- ВЫП. VII. Московские театры. *Сост. Ю. В. Соболев.*
- ВЫП. VIII. А. И. Герцен и люди 40-х годов. *Сост. Ю. В. Соболев.*
- ВЫП. IX. Революционная Москва. Экскурсии в места, связанные с историей революции.
- Выпуски, посвященные Кольцову, Никитину, Островскому, Лермонтову, Крапоткину Тютчеву, Некрасову и др.
- Выпуск, посвящ. экскурсии в Музей игрушки.

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. Бродского, А. Е. Грузинского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

— о о —

Приобщение к культурной жизни широких народных масс создало новый тип читателя. При изучении родной литературы этот читатель не может обратиться к солидным научным трудам; они ему не под силу. В то же время он не удовлетворится ни школьными учебниками, ни более обширными общими обзорами, так как он ищет не готовых выводов, а возможности самостоятельного подхода к явлениям родной литературы.

Почва такому читателю и имеет в виду «Историко-литературная библиотека».

